

Polylogos. 2013-2021

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylogos-journal.ru>

All right reserved

№ 1 Volume 3. 2019

"Fathers and children": generational dynamics of cultural memory

Daniil Anikin

*Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk Branch
398050, Russian Federation, Lipetsk, Internatsionalnaya st., 126*

Abstract

In article is considered the problem of generational dynamics in modern social science. The author analyzes J. Ortega y Gasset, K. Mannheim, S. Eisenstadt works for the purpose of identification of features of transformation of cultural memory at alternation of generations. On the basis of Y. Assman's ideas generational memory and family memory is opposed. The generation as the subject of collective memory possesses synchronous perception of the past that interferes with effective transfer of memoirs, their transformation from communicative memory in a sacralized canon.

Keywords list (en): cultural memory, generation, social dynamics, family memory, memorial culture

Date of publication: 22.05.2019

Acknowledgment:

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20149)

Citation link:

Anikin D. "Fathers and children": generational dynamics of cultural memory // Polylogos. – 2019. – V. 3. – № 1 [Electronic resource]. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110004978-7-1/> (circulation date: 18.09.2021). DOI: 10.18254/S258770110004978-7

1 В своем романе «Отцы и дети» И.С. Тургенев обратил внимание на проблему, которая была поставлена еще в античности, но даже сейчас далека от окончательного решения. Речь идет о самом понятии «поколение», механизмах смены поколений и социальных последствиях поколенческой динамики. Особую актуальность решение этого вопроса приобретает в контексте исследований культурной памяти, стремящихся выйти за пределы статичного восприятия представлений о прошлом, обосновать процессуальность

взаимосвязи прошлого и настоящего.¹ В современных исследованиях культурной памяти проявляется отчетливое стремление к переходу от статичного описания образов прошлого к определению и концептуализации временных ритмов их трансформации.² Спор «отцов и детей» - это не только спор о настоящем, но еще и попытка переосмыслить прошлое, провести селекцию коллективных воспоминаний с целью их использования в определении целей общественного развития. Поэтому целью данной статьи является анализ теорий поколений в социальных науках и анализ возможности их применения к исследованиям культурной памяти.

2 Сам термин «поколение» обладает определенной двойственностью, связанной с неопределенностью источников порождения поколенческой динамики. Как считает С.Н. Зенкин, «понятие поколения используется для описания социокультурных фактов, но этимологически отсылает к природным процессам (смене живых особей). В этом оно сближается даже не столько с понятием нации, сколько с еще более двусмысленным концептом культуры XIX века - понятием расы, которое, как и поколение, прямо восходит к представлениям о процессах порождения, филиации, породы».³ Биологизаторский аспект поколения задает представление о некоем «естественном» ритме смены поколений, который, однако, нарушается неравномерностью протекания социального времени. Поэтому самоидентификация поколения напрямую связана с ощущением этого несоответствия – поколение либо легитимирует свое «вырывание вперед», либо стремится зафиксировать свою отсталость от ритмов социальных преобразований. В этом смысле показательным является термин «потерянное поколение», обозначивший целую социальную прослойку, выделяемую не столько по совпадению дат рождения, сколько по схожим ценностям и установкам по отношению действительности. Э. Хэмингуэй, впервые употребивший данный термин в своем произведении «Праздник, который всегда с тобой», показательным образом сосредоточил внимание на радикальном разрыве между носителями различных социальных ценностей, причем именно этот разрыв и служит фактором формирования поколения, позволяет представителям совершенно различных социальных и экономических групп почувствовать свое единство.

3 Разрыв между поколениями фиксирует и Х. Ортега-и-Гассет, определяющий данную проблему в контексте процессов массовизации общества. Он отказывается от биологического понимания поколения, но для него оно становится обязательным элементом социальной динамики, атрибутом цикличности исторического процесса. Поколения существуют всегда, что фиксируется еще в Ветхом Завете посредством выстраивания родословных, в которых каждое поколение становится очередной стадией исторического развития. Как пишет Т. Шанин, анализируя концепцию Х. Ортеги-и-Гассета, «при этом важны поколенческие структуры, где общепринятые традиции определенных поколений выступают как главная сила, ограничивающая человеческий выбор. Жизнь — это сцена театра со сценарием, созданным самими людьми. Поколение — важнейший элемент общественного деления».⁴ Но указание на простую последовательность поколений способствует отождествлению поколения с биологическими ритмами существования человека, что чересчур упрощает сложную картину исторической динамики.

4 Наиболее существенным вопросом для Х. Ортеги-и-Гассета становится определение «жизненного цикла» смены поколений, для чего он создает типологизацию возрастов. В своей лекции «Метод поколений в истории» он выделяет пять возрастов: детство, юность, вступление в жизнь, господство в ней и старость.⁵ Продолжительность каждого из возрастов определяется им в 15 лет, что позволяет определить время социальной активности каждого поколения, которое складывается из суммирования этапов вступления в жизнь и господства в жизни, что в совокупности составляет около 30 лет. Правда из этого рождается парадокс, который сам испанский мыслитель формулирует следующим образом: «Существенным моментом в данном случае является факт, что любое поколение возникает между двумя другими, каждое из которых в свою очередь граничит еще с одним, и так далее, раз за разом. Другими словами, понятие поколения неизбежно подразумевает весь поколенческий ряд. И вполне очевидно, что определить зону хронологических дат, соответствующую одному поколению, можно только через целостность всего ряда».⁶ Иначе говоря, даже определение

границ поколения не позволяет с полной уверенностью определить принадлежность индивида к конкретному поколению, из чего Х. Ортега-и-Гассет делает достаточно пессимистичный вывод о том, что самоидентификация крайне мало может сказать о принадлежности к поколению, а единственным объективным взглядом является взгляд историка, способный охватить целую последовательность поколений и соотнести современников с каждым из них.

5 В полемику с Х. Ортега-и-Гассетом относительно возможности концептуализации поколения в социальной науке вступает К. Мангейм. В своей классической работе «Проблема поколений» он четко обозначил два подхода, существовавшие в тот момент в науке к анализу поколенческой проблематики – позитивистский и романтико-исторический. Позитивистский подход, представленный О. Контом и Г. Спенсером, рассматривал цикл смены поколений как аналог природного закона, определяющего динамику развития человечества. По словам самого К. Мангейма, Конт «предпринял попытку объяснить природу и темпы прогресса (центральная проблема его времени), предположив, что то и другое связано с переменами в преемственности поколений и средней продолжительностью жизни». ⁷ Эта взаимосвязь заключается в том, что удлинение человеческой жизни замедляет прогресс, в то время как ее сокращение позволяет нарастить темп социальных преобразований. Таким образом, длительность поколения ключевым образом влияет на скорость исторического развития, а изменение демографических показателей становится фактором изменения и самой социальной динамики.

6 Романтико-исторический подход, разработанный немецкими неокантианцами, заменяет количественные характеристики поколения качественными. Дильтей не пытается найти оптимальную длительность поколения, а пытается выявить его ценностную природу, увидеть несоответствие между биологическими и духовными ритмами существования человечества. Современники – это те имеют одинаковые идеи и подвергаются одинаковым влияниям, а не те, кто живут в одно время – к такому выводу приходит романтико-исторический подход.

7 Не удовлетворившись существующими подходами, К. Мангейм пытается применить формальный метод к описанию поколения, обозначая функции данного сообщества в социальной структуре:

8 1. Появление новых участников исторического процесса. Смена поколений обновляет социальную структуру общества, создает естественную сменяемость индивидов, благодаря чему и происходят социальные изменения.

9 2. Непрерывное выбывание прежних участников культурного процесса, благодаря чему осуществляется внедрение инноваций.

10 3. Участие членов каждого одного поколения только в промежутке исторического процесса, ограниченном временем. Эта функция обеспечивает возникновение различий между поколениями, очевидных, зачастую, не столько для самих их представителей, сколько для исследователя, имеющего возможность выявить различные поколения и сравнить их между собой.

11 4. Непрерывная череда поколений, что подчеркивает их значимость в процессе социализации. В самом деле, основным агентом социализации для каждого нового поколения является предыдущее, хотя, как показывает Мангейм, эта последовательность далеко не всегда соблюдается. В условиях ускорения социальных преобразований или резкого изменения социальной среды новое поколение способно становиться агентом социализации для старшего. Например, миграционные сообщества демонстрируют более быстрое приспособление к инокультурной среде именно среди представителей молодого поколения, которые превращаются в посредников для своих родителей.

12 5. Необходимость в постоянной передаче культурного наследия. В этом пункте Мангейм максимально близко подходит к проблеме социальной памяти, указывая, что сохранение наследия всегда сопровождается работой забвения. Часть исторического опыта

должна исчезнуть ради того, чтобы общество двигалось дальше, не пытаясь полностью воспроизвести предшествующие алгоритмы. Тем не менее, сама ценностная установка на сохранение определенных воспоминаний, значимых для поколения, является атрибутом любого поколения.

13 Нетрудно заметить, что взгляды Х. Ортега-и-Гассета и К. Мангейма роднит тенденция к объективации поколения в качестве социальной группы. Вне зависимости от оценки подобного факта, данные мыслители не поставили вопрос о самой природе поколения как определенной социальной общности и, следовательно, о тех условиях, при которых поколенческая идентичность выходит на первый план.

14 Показательно, что внимание к статье К. Мангейма и вообще к проблеме взаимодействия поколений оказалось приковано несколько десятков лет спустя после ее опубликования – в 60-ые годы XX века. На Западе в этот момент прокатилась волна студенческих протестов, поэтому потребовалась концептуальная рамка, способная объяснить очередной конфликт «отцов и детей», вылившийся за пределы семейных отношений.

15 Ведь поколение не существует постоянно, а отчетливо проявляется в тех ситуациях, когда ослабевают диахронические связи внутри сообществ (например, внутри семьи). В этом смысле поколенческая память может быть противопоставлена памяти семейной. Поколение стремится сохранить память о том, что объединяет сверстников, вне зависимости от социальных или экономических условий их существования, в то время как семья стремится встроить индивида в непрерывную цепочку воспоминаний, сделать его звеном в сохранении родовой памяти. С Эйзенштадт делает из данного противопоставления четкий вывод – поколение может являться коллективным субъектом в двух случаях: либо в традиционном обществе, когда еще не оформилась четкая родовая структура, либо в условиях разложения семьи как ключевой ячейки общества.⁸ В этом смысле поколение 1968 года символизирует не только политический кризис западноевропейского общества, но и обозначает кризис устойчивых социальных связей, которые сегментировали социальное пространство даже в условиях распада сословных, цеховых и профессиональных структур.

16 Но в Германии, например, проблема межпоколенческой динамики оказалась поднята в совершенно ином аспекте, а именно – как фактор переосмысления нацистского прошлого в контексте проявившихся тенденций европейской интеграции. Т. Адорно в своей программной статье обозначил потребность в «проработке прошлого», причем сам этот призыв носил отчетливо поколенческий характер, поскольку был обращен к первому послевоенному поколению.⁹ Чувство вины должно быть стать тем этическим фундаментом, который позволил бы провести грань между поколением «отцов», желающих стереть травматическую память о недавнем прошлом, и поколением «детей», способных извлечь уроки из прошлого, не погрузить его в пучину забвения, а сделать предметом сознательной проработки. Но масштаб поставленной Адорно задачи превосходил национальный контекст, а апеллировал к формированию общеевропейской культуры памяти, в которой коллективная ответственность за Холокост становилась фундаментом межгосударственного и межкультурного согласия.¹⁰

17 Интересно, что именно со Второй мировой войной С.Н. Зенкин связывает незримый рубеж, которые позволил перейти от негативной к позитивной трактовке поколения.¹¹ На смену «потерянному поколению» приходит «поколение победителей», для которого принадлежность к столь символически значимому событию становится «индугенцией» от прочих социальных связей. Правда, со временем этот победный оптимизм начинает звучать с оттенком натужной бравады, превращается в эскапистский вариант преодоления разобщенности – профессиональной и личной. Примером из культурной практики такой трансформации поколения становится фильм «Белорусский вокзал», где главные герои, казалось бы, демонстрируют непоколебимое единство (невзирая на различие социальных статусов и экономических характеристик) своей коллективной памяти о войне, но сама отсылка к этому единству становится лишь символическим маркером, обозначающим их неприспособленность к изменившемуся общественным условием. Поколение, сконцентрированное вокруг общих воспоминаний, с одной стороны, обладает мощным

средством внутренней консолидации, но, с другой стороны, утрачивает адаптационные возможности, замыкаясь в границах собственных представлений.¹²

18 И в том и в другом случае характерно, что возникновение определенного запаса исторических образов, отражающихся в мемориальных практиках, является результатом социального запроса на формирование поколенческой идентичности. Учитывая возрастную вариативность представителей одного поколения, можно констатировать, что они имеют доступ к различным пластам культурной и коммуникативной памяти. Они по-разному усваивают представления о прошлом, отражающиеся в сложившихся мемориальных практиках, а также имеют различный опыт участия или свидетельства событий, только откладывающихся в коммуникативной памяти. Процесс создания поколения – это еще и процесс селекции воспоминаний, создание культурного канона (в терминологии А. Ассман), который нивелирует уникальные траектории коммуникативной памяти и запечатлевается в текстах или ритуализированных практиках, позволяющих с минимальным ущербом сохранить мемориальный образ поколения.¹³ Можно сказать, что поколение создает для себя комфортный (разумеется, с точки зрения сохранения коллективной идентичности и детравматизации внутренних противоречий) образ прошлого, который не только работает на усиление консолидации, но является и источником легитимации символических претензий.

19 Но, поскольку специфика поколения в качестве социальной группы заключается в синхронистичности его существования, то возможности перехода коллективной памяти поколения из коммуникативной в культурную представляются достаточно ограниченными. Цикл существования коммуникативной памяти, отмеченный Я. Ассманом, пусть даже с поправкой на изменение демографических показателей (увеличение продолжительности жизни), составляет около 40 лет, что определяет горизонт влияния коллективной памяти определенного поколения.¹⁴ Этот горизонт распространяется на время активной социальной жизни тех поколений, которые успели пройти процедуру социализации во время обозначенного цикла. Соответственно, прекращение их социальной активности означает естественное затухание поколенческой памяти, ее исчезновение из обязательного набора исторических образов или переформатирование в ценностно-нейтральный дискурс. Г. Шуман и Ж. Скотт указывают, что общей закономерностью, обнаруживаемой при анализе коллективной памяти поколений, является обратная зависимость между возрастом и важностью запоминаемого события. Иначе говоря, человек намного лучше запоминает и считает наиболее важным для запоминания те события, которые пришлось на пору его детства и юности.¹⁵

20 Насколько актуально понятие поколенческой динамики в условиях современного общества? Многие социологи смело пользуются поколенческой терминологией для выявления социальных разрывов, связанных с возникновением и экспансией цифровых технологий.¹⁶ С.Н. Зенкин усматривает в отказе от негативного восприятия поколения «истощение понятия и завершение его живой истории, которая была связана с эпохой "модерна", осмыслявшей себя как эпоху истории, резких перемен и релятивизма, но при этом цеплявшейся за натуралистические ценности и представления».¹⁷ Тем не менее, концепции культурной памяти констатируют потенциал поколенческой идентичности в качестве мощного социального фактора, несущего как положительный, так и отрицательный заряд.

21 С одной стороны, конструирование поколенческой идентичности может работать на сохранение стабильности социального порядка, способствовать закреплению и распространению ценностей и подкрепляющих их исторических образов определенного поколения на последующие возрастные группы. В таком случае конкретное поколение, например, «поколение победителей» в «эпоху застоя», получает возможность создания мемориального канона, санкционированного на официальном уровне и обеспечивающего воспроизводство определенного набора исторических оценок. Закрепление данного канона в прецедентных текстах – визуальных или вербальных – способствует его сакрализации в качестве абсолютной истины.¹⁸ Но, как уже говорилось выше, парадокс поколенческой памяти заключается в ее привязанности к коммуникативной памяти конкретной социальной группы, которая по определению не может приобрести диахроническое значение (в отличие,

например, от семейной памяти). Поэтому поколенческая память относительно быстро начинает выхолащиваться и превращаться в систему ритуалов, лишенную эмоционального содержания. Она воспринимается как память «чужая», поэтому даже попытки ее актуализации посредством медиа-репрезентаций не приводят к долговременным последствиям. То же самое можно сказать про поколенческую память в качестве делегитимирующей силы. Ее эффект оказывается достаточно кратковременным, а попытки канонизации – обреченными на провал по мере ухода из активной социальной жизни представителей данного поколения.

Remarks:

1. Головашина О.В., Линченко А.А., Аникин Д.А. Динамика культурной памяти как предмет исследования: подходы и решения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 174. С. 192-193.
2. Завадский А. «Память на стероидах»: memory studies и новая экология научной жизни // Новое литературное обозрение, 2019, № 2. С. 95-99.
3. Зенкин С. Н. «Поколение»: Опыт деконструкции понятия // Поколение в социокультурном контексте XX века. М., Наука, 2005. С. 130.
4. Шанин Т. История поколений и поколенческая история России // Южно-российский журнал социальных наук. 2005. № 3. С. 79-80.
5. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь мир, 1997. С. 270.
6. Там же. С. 277.
7. Мангейм К. Проблема поколений // Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 18.
8. Eisenstadt S. N. From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure. N. Y. : The Free Press; London : Collier — Macmillan Ltd. 1966. P. 154.
9. Адорно Т. Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас, 2005, № 3-4. С. 38.
10. Аникин Д.А. Образ жертвы в истории: стратегии культурной репрезентации и конкуренция нарративов // Международный журнал исследований культуры, 2017, № 4. с. 6.
11. Зенкин С. Н. «Поколение»: Опыт деконструкции понятия // Поколение в социокультурном контексте XX века. М., Наука, 2005. С. 135.
12. Schuman H., Scott J. Generations and Collective Memories // American Sociological Review. 1989. Vol. 54. № 3. P. 366.
13. Ассман А. Рефреймируя память. Между индивидуальными и коллективными формами конструирования прошлого [Электронный ресурс] // URL: [>>>>](#) (дата обращения: 20.04.2019)
14. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 46-48.
15. Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 55.
16. Максимова О.А. «Цифровое» поколение: стиль и конструирование идентичности в виртуальном пространстве // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 22 (313). Филология. Искусствоведение. Вып. 81. С. 6-10.
17. Зенкин С. Н. «Поколение»: Опыт деконструкции понятия // Поколение в социокультурном контексте XX века. М., Наука, 2005. С. 136.
18. Hoskins A. Media, Memory, Metaphor: Remembering and the Connective Turn // Parallax. 2011. Vol. 17. № 4. P. 19-21.

References:

1. Adorno T. Chto znachit «prorabotka proshlogo» // Neprikosnovennyj zapas, 2005, ¹ 3-4. S. 36-45.

2. Anikin D.A. Obraz zhertvy v istorii: strategii kul'turnoj reprezentacii i konkurenciya narrativov // Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury, 2017, ¹ 4. S. 6-11.
3. Assman A. Refrejmiruya pamyat'. Mezhdru individual'nymi i kollektivnymi formami konstruirovaniya proshlogo [Elektronnyj resurs] // URL: <http://gefeter.ru/archive/11839> (data obrashcheniya: 20.04.2019)
4. Assman YA. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 S.
5. Golovashina O.V., Linchenko A.A., Anikin D.A. Dinamika kul'turnoj pamyati kak predmet issledovaniya: podhody i resheniya // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2018. T. 23. ¹ 174. S. 191-202.
6. Zavadskij A. «Pamyat' na steroidah»: memory studies i novaya ekologiya nauchnoj zhizni // Novoe literaturnoe obozrenie, 2019, ¹ 2. S. 95-99.
7. Zenkin S. N. «Pokolenie»: Opyt dekonstrukcii ponyatiya // Pokolenie v sociokul'turnom kontekste XX veka. M., Nauka, 2005. S. 130-136.
8. Maksimova O.A. «Cifrovoye» pokolenie: stil' i konstruirovaniye identichnosti v virtual'nom prostranstve // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. ¹ 22 (313). Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 81. S. 6-10.
9. Mangejm K. Problema pokolenij // Mangejm K. Ocherki sociologii znaniya: Problema pokolenij. Sostyazatel'nost'. Ekonomicheskie ambicii. M. INION RAN, 2000. S. 863.
10. Ortega-i-Gasset H. Izbrannyye trudy. M.: Ves' mir, 1997. 558 S.
11. Shanin T. Istoriya pokolenij i pokolencheskaya istoriya Rossii // YUzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk. 2005. ¹ 3. S. 79-88.
12. Shuman G., Skott Z. Kollektivnaya pamyat' pokolenij // Sociologicheskie issledovaniya. 1992. ¹ 2. S. 47-60.
13. Eisenstadt, S. N. From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure. N. Y.: The Free Press; London : Collier Macmillan Ltd. 1966. 357 p.
14. Hoskins A. Media, Memory, Metaphor: Remembering and the Connective Turn // Parallax. 2011. Vol. 17. ¹ 4. P. 1931.
15. Schuman H., Scott J. Generations and Collective Memories // American Sociological Review. 1989. Vol. 54. ¹ 3. P. 359-381

«Отцы и дети»: поколенческая динамика культурной памяти

Аникин Даниил Александрович

*Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ
398050, Российская Федерация, Липецк (Липецкая область), ул. Интернациональная, д. 12б*

Аннотация

В статье рассматривается проблема поколенческой динамики в современной социальной науке. Автор анализирует работы Х. Ортеги-и-Гассета, К. Мангейма, Ш. Эйзенштадта с целью выявления особенностей трансформации культурной памяти при смене поколений. На основании идей Я. Ассмана противопоставляется поколенческая память и семейная память. Поколение как субъект коллективной памяти обладает синхроничным восприятием прошлого, что препятствует эффективной передаче воспоминаний, их трансформации из коммуникативной памяти в сакрализованный канон.

Ключевые слова: культурная память, поколение, социальная динамика, семейная память, мемориальная культура

Дата публикации: 22.05.2019

Ссылка для цитирования:

Аникин Д. А. «Отцы и дети»: поколенческая динамика культурной памяти // Полилог/Polylogos. – 2019. – Т. 3. – № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110004978-7-1/> (дата обращения: 18.09.2021). DOI: 10.18254/S258770110004978-7